В диссертационный совет
24.2.336.02, созданный на базе
Университета имени О.Е.
Кутафина (МГЮА),
125993, г. Москва, ул. Садовая-
Кудринская, д.7. стр. 22

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
на диссертацию Володиной Светланы Вячеславовны на тему «Принцип доверия в системе основ конституционного строя Российской Федерации» (Москва, 2026 г., 375 с.), представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Конституционная реформа 2020 года актуализировала многие направления научных исследований в области права, равно как и в иных социо-гуманитарных отраслях знаний. Между тем, очевидным является, что основной сферой, требующей новых подходов, масштабных исследований, является традиционная для прежней номенклатуры научных специальностей сфера конституционного права. Именно в этом русле находится избранная С.В. Володиной тема, ориентированная на исследование малоизученной проблематики доверия в ее конституционно-правовом измерении, в частности, сквозь призму основ конституционного строя России. Тем самым актуальность, научный и практический потенциал выбранной темы исследования не вызывает сомнений.

Концептуализированное положение о взаимном доверии общества и государства приобрело с включением в Конституцию РФ (ст.75.1) конкретное правовое содержание, требующее не только собственно доктринального осмысления, но и вполне реального и единообразного правоприменения, согласующегося с целостным характером иных конституционных предписаний. В этой ситуации рассмотрение вопроса о том, какое место занимает категория доверия в конституционно-правовом дискурсе, имея в виду прежде всего вопросы взаимосвязи данной категории с основными и традиционными публично-правовыми категориями, среди

которых в особом положении – категория и институты конституционного строя, приобретает высокую актуальность. Очевидно, что это потребовало четкого представления, глубокого понимания состояния научных исследований (прежде всего, конституционно-правовых), законотворческой и правоприменительной практики по этим вопросам, что, как представляется, в достаточной степени продемонстрировано автором на страницах представленного на защиту диссертационного исследования.

В качестве предмета исследования автором обозначены теоретические представления о конституционных принципах, природе и особенностях принципа доверия; нормы конституционного права и отдельных отраслей российского права, интерпретационная практика российского органа конституционной юстиции, правоприменительная практика по реализации принципа доверия в соотношении с иными институтами, основами конституционного строя. Известно, что существенный вклад в доктринально-правовую проработку соответствующих вопросов внесла практика российского конституционного правосудия. Автор исследования справедливо обращает внимание, что Конституционному Суду РФ принадлежит особая миссия в разработке проблемы понимания доверия в российской правовой системе и категории доверия как одного из основополагающих конституционных принципов: категория «доверие» применяется Конституционным Судом более чем в 500 постановлениях и определениях; статистические данные позволили автору сделать вывод о последовательном возрастании правоприменительного потенциала данной категории применительно к деятельности КС РФ (стр. 141-142). В этой связи, опираясь на практику конституционного нормоконтроля, можно признать, что принцип доверия выступает фундаментальной нормативно-доктринальной категорией, способствующей осуществлению полномочий Конституционного Суда РФ как высшего судебного органа конституционного контроля, и одновременно – категорией, обладающей глубоким методологическим потенциалом, служащей выявлению и

разрешению коллизионных, иных проблемных вопросов конституционно-правовой действительности.

Диссертация состоит из четырех глав, каждая из которых состоит из нескольких параграфов, логически ориентирующих на раскрытие заявленной темы и предмета исследования. В первой главе предполагается анализ конституционных основ самого по себе принципа доверия. Во второй – конституционализация юридического содержания данного принципа, в том числе на основе решений КС РФ. Третья глава ориентирует на отдельные институциональные аспекты реализации принципа доверия в системе публичной власти; четвертая глава посвящена роли доверия связи с функционированием институтов гражданского общества.

В целом, обозначенные направления диссертационного анализа представляются вполне оригинальными в контексте отечественного конституционного правоведения. В общем объеме исследовательских работ по конституционно-правовым наукам, сосредотачивающим внимание на вопросах конституционных ценностей и принципов, равно как и основ конституционного регулирования, действительно уделено недостаточное внимание тем проблемам, которые предполагают выявление «социального («генетического») происхождения» конституционно-правовых институтов, ориентируют на анализ конституционных правоотношений с точки зрения поведенческих моделей и социально-психологических ожиданий. Теоретическим достоинством постановки темы доверия во взаимосвязи с основами конституционного строя является возможность взгляда на конституционно-правовые вопросы с точки зрения их социологического и психологического измерения. Также, отметим важность авторских наблюдений относительно «ценности доверия в его регулятивном свойстве»: «в различных сообществах людей доверие не только оказывает влияние на формирование и развитие личности, но и определяет характер отношений в обществе»; «состояние общностного доверия порождает устойчивость

межличностных отношений в плане их позитивного восприятия отношений» (стр. 30).

В целом, предложенное направление и предмет диссертации можно признать методологически значимыми для исследования различного рода институциональных и нормативных вопросов устойчивого конституционно-правового развития. При этом важной является постановка вопросов о сбалансированности соотношения и сочетания ценности доверия с иными конституционными ценностями и принципами (например, стр. 39-47).

Важной направленностью диссертационного исследования стал поиск подходов и представлений в связи с установлением сущности и конституционного содержания принципа доверия. При этом делается справедливый вывод о том, что принцип доверия рассматривается в научной доктрине в основном как принцип, определяющий отношение граждан к государству (органам государства), его актам и действиям как принцип поддержания доверия к закону и действиям государства (стр. 82). Здесь ключевым образом отражается выявленный Конституционным Судом РФ принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, а также предоставление гражданам в случае необходимости возможности, в частности посредством установления временного регулирования, в течение некоего разумного переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям в законодательство (стр. 74). Заслуживает положительного внимания авторское мнение о том, что принцип доверия, будучи основополагающим принципом основ конституционного строя России, опирающийся на верховенство Конституции Российской Федерации, означает, что действия участников правоотношений должны соответствовать правомерным ожиданиям участников, возникшим в результате их собственных действий или законодательства, обеспечивая предсказуемость и стабильность правоотношений (стр. 86). Тем самым, автор

ориентируется на необходимость исследования различных граней понимания доверия при учете его признания (прежде всего, через конституционно-судебную практику) как правового состояния между субъектами правоотношений на основе ценностей, принципов и положений Конституции Российской Федерации (стр. 147).

Практическая ценность диссертации имеет несколько измерений. Среди них стоит выделить развитие представлений об институционально-функциональном содержании обеспечения доверия в качестве конституционного принципа. В частности, исследуются вопросы взаимодействия на основе конституционной формы доверия в механизме государственной власти, а также отношения взаимосвязи в свете идеи доверия отдельных государственных органов и населения. Также, самостоятельное внимание уделено тому, что «правовое доверие государства к гражданскому обществу реализуется в форме партнерства», и это связывается в том числе с формами государственно-общественного партнерства в различных сферах. При том в данном отношении учитываются различные характеристики правового доверия государства к институтам гражданского общества, которое, по мнению автора, состоит в том, что государство (органы публичной власти), действуя последовательно, предсказуемо и не допуская произвольных изменений статуса граждан (общественных объединений), признавая автономию, полагается на их разумность и добросовестность, сохраняя возможность осуществления контроля в законодательно установленных пределах (стр. 100). Кроме того, значимой институциональной составляющей современной государственной и общественной практики, равно как формирования взаимосвязей между субъектами – участниками такой практики, признается проблематика доверия в «цифровой среде», которая получает собственное рассмотрение в свете ее конституционно-правовых характеристик (252-280).

Данное исследование вносит свой вклад в развитие российской конституционной аксиологии в ее связи с представлениями об основах конституционного строя; при этом проблематика доверия открывает возможности для их нюансированного социально-функционального осмысления. Так, подчеркивается, что презумпция добросовестного законодателя и презумпция конституционности закона основаны на принципе доверия, в соответствии с которым законодатель должен своими действиями и результатами действий (закон) оправдывать конституционное доверие, оказываемое иными органами публичной власти и гражданами законодателю и его решениям (стр. 14, 122). Также особого внимания заслуживает то, что предпринята попытка раскрыть тему доверия к публичной власти через методологический аспект соотнесения Конституции и законодательства, связанный с ожиданиями реализации и конкретизации конституционных правоположений, что позволяет рассматривать идею доверия с точки зрения функциональной роли Конституции в механизме правового регулирования.

В итоговом варианте теоретическая и практическая значимость работы заключается в попытке разработки концепции категории доверия в общей системе основ конституционного строя Российской Федерации. В работе предложено авторское понимание правовой природы принципа доверия, обусловленного конституционной ценностью «гражданского мира и согласия», раскрывается его нормативно-регулятивный потенциал.

Заслуживает внимания авторский подход, предполагающий попытку структурирования категории доверия в правовом аспекте, выделение в связи с этим его структурно-смысловых элементов, обладающих собственной спецификой, а потому предполагающих специальное правовое регулирование и нормативное значение. Нельзя не отметить и определенный блок авторских предложений по корректировке действующего законодательства в части институционализации доверия с учетом его структурной организации. Представляется, что отдельные из названных

предложений в действительности могут оказаться полезными для формирования правового импульса развития института доверия в его конституционно-правовом русле.

Содержащиеся в диссертации теоретические выводы, несомненно, формируют основу для дальнейших исследований. Тем более, если иметь в виду, что не все обозначенные в диссертации вопросы получили одинаково полное, аргументированное обоснование.

Нет сомнений, что любое творческое сочинение подобного уровня не свободно от спорных и дискуссионных моментов. Это, естественно, касается и диссертационного исследования С.В. Володиной. Но в данном случае хотелось бы обратить внимание не только на спорные и дискуссионные моменты, обсуждение которых является вполне естественным в рамках публичной защиты диссертации. Применительно к диссертационной работе всегда важным является, в частности, вопрос о методологии исследования, о том, насколько сам план (структура) диссертации учитывает, задает методологические ориентиры исследованию в соответствии с названиями глав, параграфов.

1) В рамках первого замечания (и, своего рода размышления) хотелось бы затронуть вопрос о том, насколько выверенными оказались методологические подходы к решению обозначенных в плане диссертационного исследования вопросов. Судя по общему замыслу, логика исследования определялась движением от общего к конкретному, от сущностных характеристик принципа доверия к его реализации в определенных сферах конституционно-правовой жизни общества, государства и личности. В этом плане, вероятно, именно первая глава должна претендовать на роль методологической основы. Уже поэтому, например, первый параграф действительно мог бы быть посвящен аксиологическим характеристикам категории доверия, а не самим по себе конституционным ценностям; как и второй параграф интересен не абстрактным анализом конституционных принципов в правовой системе, а

методологией юридического оформления категории доверия не только как конституционной ценности, но и как конституционного принципа. Как в связи с этим влияет такое «удвоение» на саму природу исследуемого явления? И вообще: как соотносятся характеристики доверия, выступающего в качестве: а) конституционной ценности; б) конституционного принципа; в) конституционной категории; г) принципа основ конституционного строя? Эти вопросы уместны уже потому, что есть мнение, например, о том, что «если ценности сводить исключительно к нормативному содержанию …конституционных принципов, то тем самым ставится под сомнение вообще необходимость существования такого понятия, как конституционные ценности» (это – мнение известного специалиста по проблемам аксиологии С.А. Белова). Очевидно, что эти и им подобные вопросы имеют методологическое значение для решения многих других диссертационных проблем.

2) В продолжение методологических аспектов уместно отметить, что одним из важных авторских положений является формулирование категории «правового доверия» (этому посвящено первое положение, выносимое на защиту). Между тем, анализ ни самого по себе положения, ни соответствующего текста диссертационного исследования не позволяет установить, каково же собственно юридическое (правовое) содержание данной категории и каким образом правовое доверие соотносится с доверием вообще (тем более, что наименование диссертационного исследования оперирует именно общим понятием доверия)?

Вызывают сомнение в этом плане и предложенные критерии разграничения понятий *социального* доверия и *правового* доверия (положение № 2, выносимое на защиту; стр. 37 и др.). Разве правовое доверие, в основе которого, по мнению диссертанта, лежат конституционные ценности, не содержит, например, нравственные начала или «социальные ценности» (которые присущи, как считает автор, исключительно социальному доверию)? Может, в данном случае (для разграничения указанных категорий)

важно учитывать прежде всего предусмотренные законом *юридические последствия* той или иной формы проявления доверия\недоверия?

В этом плане (в дополнение) может быть поставлен и вопрос о *политической составляющей категории доверия*, имея в виду как социальное, так и правовое доверие/недоверие. Применительно рассматриваемым в диссертации сферам реализации принципа доверия это имеет принципиально важное значение; например, разве возможна реализация принципа доверия в конституционной модели взаимодействия Государственной Думы и Правительства РФ без политической составляющей? Другое дело, что речь, вероятно, должна идти не о политизации правового доверия, а о юридизации политических по своей природе соответствующих отношений, например, в системе разделения властей. А, возможно, существуют и иные проявления доверия как социального (или в более широкой коннотации – философского) феномена, которые могут иметь значения для его юридической интерпретации? В каком соотношении с иными проявлениями будет находиться правовое доверие?

Как, по мнению автора, следует классифицировать политическое доверие, с одной стороны, рассматриваемое в свете Конституции в качестве сугубо правового основания для применения мер конституционно-правовой ответственности (удаление в отставку Правительства РФ или роспуск Государственной Думы), а с другой – являющееся по своей сути как политическим, так и формально-юридическим актом органа народного представительства (реализуемого в пределах конституционных полномочий Государственной Думы)?

3) Автор последовательно отстаивает идею наполнения категории доверия конституционным содержанием (как через инструменты конституционных ценностей, так и конституционных принципов). Между тем, в первом же положении, выносимом на защиту, автор констатирует, что правовое доверие должно поддерживаться в состоянии баланса, «чтобы не смещать вектор движения к любой абсолютизации (тотальное

доверие/недоверие)» (стр. 11). В чем, по мнению автора, опасность тотального доверия между личностью, обществом и государством (если мы все же придерживаемся концепции взаимности в данной категории), в том числе учитывая согласие автора с позицией А.Н. Кокотова в том, что «принцип доверия выступает правовым идеалом, целевым ориентиром» (стр. 86)? Каким образом порок абсолютного доверия, обозначенный автором, соотносится с идеей доверия как конституционной ценности (конституционного принципа)? Можно ли в таком случае утверждать, что абсолютное правовое государство, а также абсолютно демократическое правление также сомнительны?

4) Говоря о доверии как конституционной категории, автор размышляет преимущественно об одной из форм проявления подобного доверия – доверия граждан к государству (публичной власти, закону и др.). Именно этот контекст является определяющим для автора в рамках основного повествования. Между тем, уже в положении № 4, выносимом на защиту, автор отмечает, что сам принцип доверия в конституционном праве не может сводиться исключительно к доверию государству со стороны граждан. В частности, автор выделяет такое проявление принципа доверия как «доверие государства к гражданам, институтам гражданского общества, результатам их деятельности». Представляется крайне важным услышать позицию автора относительно реальных правовых инструментов реализации данного аспекта доверия? Какое правовое выражение может иметь данный аспект и имеет ли он уже какую-либо реализацию в рамках действующего отечественного правопорядка? Существует ли (или может существовать?), по мнению автора, какая-либо ответственность для государства, не оправдывающего доверие (в рамках конкретной правовой процедуры или реализации конкретного правоотношения) своих граждан?

Отдельного объяснения требует и выделяемый автором аспект взаимного доверия между частными субъектами («доверие во взаимодействии граждан, включая отношения в рамках институтов

гражданского общества»). Насколько эта сфера подлежит правовой регуляции? Можно ли оценить эффективность такого регулирования и каким образом это сделать? В чем конституционная ценность закрепления подобного аспекта в рамках сугубо правовой (по мнению автора) категории доверия? Кроме того, насколько подобный подход согласуется с авторским утверждением о том, что «одним из основных отличий доверия в праве от других социально-гуманитарных сфер проявления, определяется его субъектно-объектным составом, где и субъектов и объектом доверия может выступать не только человек, но и государство» (стр. 33)?

5) Требует дополнительных пояснений авторская концепция конституционных оснований категории доверия. В частности, автор предлагает разные подходы для анализа названной категории: доверие как конституционная ценность (параграф 1 главы 1); доверие как конституционный принцип (параграф 2 главы 1); доверие как конституционное «определение», а в некоторых случаях – конституционная «дефиниция» (стр. 58 и др.). При этом автор разграничивает данные подходы, что неизбежно влечет за собой и «расщепление» категории доверия в его предлагаемом конституционно-правовом понимании. Кроме того, анализируя конституционную природу категории доверия (кстати, не правового доверия, а именно доверия!), автор фактически приводит преамбулу, весь набор основ конституционного строя (глава 1), а также гарантирующую часть главы 2 Конституции Российской Федерации. При таком определении конституционных оснований собственное конституционное значение категории доверия выглядит достаточно абстрактно. Возможно ли, по мнению автора, когда самостоятельная (или претендующая на такое свойство) конституционная категория имманентно растворяется в ключевых положениях основ конституционного строя, которые, как отмечает сам автор, не всегда являются конституционными принципами «в специальном значении» (стр. 58)?

6) Весьма интересным представляется тезис автора о том, что принцип доверия наиболее часто раскрывается через действующие правовые презумпции добросовестности. Между тем, отдельные из этих презумпций ставят весьма серьезный вопрос о субъектном составе конституционных отношений, опосредованных принципом доверия. Так, в частности, отмечая принцип добросовестности законодателя как проявление реализации конституционного принципа доверия (положение № 5, выносимое на защиту), автор не раскрывает субъектный состав указанных отношений. Не получается ли в данном случае, что презумпция добросовестности законодателя ориентирована в значительной степени на государство (особенно с учетом выведения данной презумпции в практике Конституционного Суда РФ, обосновывающего таким образом идею собственной конституционной сдержанности в отношении оспоримых с конституционной точки зрения актов? Можно ли в таком случае говорить о том, что доверие как конституционная категория (принцип или ценность) приобретает, своего рода, внутригосударственное действие? Каковы в таком случае правовые инструменты реализации данного принципа, его правовые пределы, гарантии?

7) Автор неоднократно обращается к категории конституционного правопорядка, что в рамках данной темы вполне оправданно. Но в отсутствие уточнения, что понимается под конституционным правопорядком (содержание которого в доктрине трактуется по-разному), не вполне очевидным, нуждающимся в дополнительном пояснении является, например, утверждение, что «доверие является частью провозглашаемого конституционного правопорядка» (положение № 3) или как понимать, что обеспечение конституционного правопорядка является «целью и одновременно условием развития основ конституционного строя России» (положение № 5, стр. 14).

8) Важной представляется авторская позиция относительно осуществления принципа доверия в системе публичной власти России (глава

3 исследования). Раскрывая соответствующие вопросы, автор сконцентрировала внимание преимущественно на двух основных направлениях: взаимодействие Правительства РФ и Государственной Думы (в вопросах выражения недоверия и постановки вопроса о доверии), а также деятельность Уполномоченного по правам человека в РФ. Между тем, не вполне понятно, по какой причине из орбиты внимания автора исключенными оказались вопросы управленческого взаимодействия Президента РФ и отдельных должностных лиц федерального и регионального уровня, которые напрямую предполагают конституционный институт доверия: в части, касающейся прекращения полномочий последних *в связи с утратой доверия*. Применимы ли авторские разработки и концепции к данной правовой категории? Возможно ли рассматривать внутригосударственный аспект (преимущественно управленческого свойства) доверия соотносимым с концептуальными философскими идеями, постулируемыми автором в первой главе своего исследования?

9) В продолжение предыдущего замечания можно сказать и о не вполне обоснованном авторском исключении судебной власти из числа анализируемых институтов в контексте изучения категории доверия. Аксиоматическим является тезис о том, что доверие к государству во многом строится на доверии к его судебной системе. При этом автор лишь попутно касается данной проблемы (стр. 91–94). Между тем, без ответа остается вопрос о том, в какой форме, например, может быть реализован принцип поддержания доверия граждан к действиям государства в лице судебной власти? Какие проблемные аспекты могут возникать в данном отношении? Возможно ли в принципе применение политической по своей сути категории доверия в системе правосудия, ориентирующейся преимущественно на правовые, а не политические установки? Имеет место и проблема внутрисистемного доверия: насколько должно учитываться (и должно ли в принципе) наличие/отсутствие доверия между судебными инстанциями (тем

более в контексте последующей ревизии судебного решения в рамках судебного пересмотра)?

10) Анализируя проблемы цифрового доверия (глава 4), автор отмечает отдельные сферы и проявления общественной жизни, в рамках которых доверие выступает в качестве критически значимой характеристики (обработка персональных данных, в особенности биометрических и др. – стр. 280). Но какая специфика собственно цифровой среды в контексте исследуемого вопроса? Не вполне понятно, приобретает ли принцип доверия какие-либо особые характеристики в ситуации, например, обработки персональных данных исключительно в цифровом виде? Может ли государство игнорировать доверие населения в ситуации осуществления своей деятельности в аналоговом виде? Означает ли изменение формы взаимоотношений между личностью, обществом и государством изменение сущности этих взаимоотношений, требующее переосмысления базовых подходов, в том числе и касающихся категории доверия? Вероятно, данный вопрос заслуживает самостоятельного полноценного анализа.

В диссертационном же варианте, например, параграф 4.2., рассматривающий доверие в цифровой среде, в значительной степени повторяет общетеоретические положения о доверии (которые автор в той или иной степени раскрыл в первой главе) либо в большей мере ориентирован на исследование скорее технических, нежели правовых вопросов цифровой среды, не имея в виду специфику (при ее наличии!) реализации правового института доверия в цифровой среде (стр. 278–280).

В заключение - о вопросе, имеющем не содержательное, но тоже вполне квалификационное значение. Речь идет о том, что работа, к сожалению, не свободна (мягко говоря) от редакционных погрешностей, включая опечатки и т.д. Они не могут не влиять на общее впечатление от знакомства с научной работой подобного уровня. В этом же ряду – заметное количество логических повторов и смысловых «разрывов».

В то же время, справедливости ради, следует признать, что сам по себе текст диссертации нередко содержит более глубокие и интересные для отечественной конституционно-правовой доктрины положения, которые, однако, по какой-то причине порой уступали место очевидным, пространным размышлениям при формулировании выводов, в частности, во вводной части диссертации.

Одновременно необходимо еще раз подчеркнуть, что сама по себе проблематика, ставшая предметом диссертационного исследования, имеет большой научный потенциал. Поставленные же официальным оппонентом вопросы ориентированы на научную дискуссию в рамках процедуры защиты диссертации. Тем более что, сам жанр докторской диссертации, квалификационные требования к ней предполагают научную актуализацию ранее не изученных вопросов, равно как и возможность критического взгляда на традиционные, казалось бы, направления правовых исследований. Все это тем более относится к соискателям ученых степеней и званий (включая Светлану Вячеславовну Володину), которые являются питомцами и представителями выдающихся научных школ, какой, безусловно, является школа конституционализма кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). У меня как официального оппонента нет никаких оснований сомневаться в обоснованности вывода, сделанного данной кафедрой, на которой была выполнена диссертационная работа Светланы Вячеславовны Володиной, о том, что диссертация Володиной С.В. представляет собой завершенную научно-квалификационную работу, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение в области конституционного права; при этом решена научная проблема, имеющая важное конституционное значение, изложены новые научно обоснованные решения и разработки, внедрения которых вносит значительный вклад в развитие России. Содержание

диссертационного исследования Володиной С.В. соответствует научной специальности 5.1.2. - публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки). Автореферат диссертации соответствует предъявляемым требованиям и отражает основное содержание диссертации.

Диссертация на тему «Принцип доверия в системе основ конституционного строя Российской Федерации» полностью соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора юридических наук, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (с изм. и доп.), а ее автор - Володина Светлана Вячеславовна заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по научной специальности 5.1.2. - публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).

Официальный оппонент:

Заведующий Центром судебного права ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» (ИЗиСП), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ

БОНДАРЬ Николай Семенович

09.09.2026 г

Научная специальность:

12.00.02 Конституционное право; муниципальное право

Контактная информация:

Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» (ИЗиСП)
Юридический адрес: 117218, Москва, Б. Черемушкинская ул., д.34
Тел.: +7 (495) 719-70-00; +7 (499) 724-11-59
Адрес электронной почты: office@izak.ru; press@izak.ru
Адрес сайта в сети Интернет: https://izak.ru/institute/

Подпись сотрудника Федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»

Заведующий отделом управления персоналом